

КАК ЖИВЕШЬ, ВЫВЕНКА?

В ДАКЦИЮ пришло письмо. Из Вывенки. Село, где живет без малого девятьсот человек, осталось без транспорта. «Весь транспорт выведен из строя. Правление колхоза помощью отделению запчастями не оказывает. Не на чем вывезти рыбу с майн для сдачи комбинату. Не на чем завезти дров для пекарни, за которыми надо ехать 15—20 километров... Объединение колхозов отрицательно сказалось на хозяйстве Вывенки...».

К письму приложена «Обзорная справка», под которой стоит девять подписей авторитетных должностных и общественных лиц Вывенки.

Прочитав я обе бумаги и подумал: «Ну, вот и приехали!» Чтобы понятно было, что я имел при этом в виду, совершив маленький экскурс в совсем недавнее прошлое.

ЧУТЬ-ЧУТЬ
ИСТОРИИ

ЛЮДИ НЕ ГОРЫ, они, как известно сходятся. Сходятся неожиданно-негаданно. Вот так сошлись два тиличикца. Я и юрист Халиулин. Столкнулись под стенами древнего монастыря в Новом Афоне, на берегу Черного моря. Не успели обмолвиться словом — экскурсионный автобус Халиулина раньше срока вырвался на старт. Уже на ходу, высунувшись из окна, земляк крикнул: «Новость слышал? Колхозы Ленина и Горького объединили!».

Встали перед глазами Култушное, Олюторка. Были там самостоятельные колхозы, и села жили интересной, полнокровной жизнью. После объединения колхозов жизнь там затухла, как затухает лампочка, когда ручку реостата передвигают почти до конца. Я был там перед отпуском. Видел, как сидят днями на завалинках здоровые мужчины и мучаются от безделья, а заведующие усадьбами готовы десять раз перекладывать одну и ту же печку, лишь бы отвязаться от самых назойливых просителей работы. Видел давно не отремонтированное жилье. Видел безысходную вечернюю скуку... Уехав оттуда напичканный проблемами и с ненормальным сердцем, решил написать статью. А немного погодя поехал в другое село — другой колхоз. И вот что писал после той поездки.

«Мы идем по селу с председателем колхоза Анатолием Василье-

вичем Шляпниковым. Анатолий Васильевич поясняет:

— Вот здесь будет стоять памятник Ильичу... А здесь будет мемориальная доска с датой создания колхоза и присвоения ему имени.

В сельском центре, у клуба с колоннами, лежит серая бетонная лента фундамента новой школы, вскидывают металлические кузова самосвалы, подвозящие щебенку и бут, шумят бетономешалки. Далеко вдоль улицы протянулась глубокая траншея теплотрассы. На бетонной, с двухэтажный дом, коробке поблескивает огонь электросварки — сваривают арматуру перекрытия. Коробка — центральная котельная.

...В нынешнем году колхоз выделил на все виды строительства 677 тысяч рублей. Строят помещение электростанции, кислородку, кормокухню, огромный бетонный склад, плюс 644 метра жилья...

...Основные средства колхоза оцениваются в 4.226 тысяч рублей. Большая доля в этой сумме принадлежит промысловому флоту, и, помимо этого, артель имеет четыре катера, пять плашкоутов, два рыбонасоса, мучную баржу, двенадцать тракторов-тягачей и специального назначения, пять автомашин, электродвигатели, металлорежущие станки...

Писано о Вывенке в шестьдесят восьмом году. О Вывенке, где был большой компактный, как крепко сжатый кулак, колхоз, где пульс жизни бился четко и сильно. О Вывенке, откуда шестнадцать лет назад я послал первый репортаж о строителях и стройках. Строили по всему району, но в Вывенке строили больше, лучше и быстрее.

Здесь я вдохновился на первый в своей жизни очерк о доярке — Гале Резниковой, которая в годы немилостивого отношения к северным буренкам со стороны отдельных «экономистов», утверждала в правах этих буренок небывальными надоями молока. Отсюда же был первый рассказ о гордости и славе сельских культурмейцев — энтузиасте своего дела библиотекаре Ольге Куприковой, чей опыт работы в национальном селе для многих стал ключом к профессиональному успеху.

Когда двум рыбакам в Корякском округе присвоили звание Героя Социалистического Труда, я опять помчался в Вывенку к одному из них — Василию Ахайми. Здесь родился, выросли и сюда вернулись после «мореходки» два первых в округе дипломированных капитана — коряка Володя Цистрюк и Коля Ивкунин.

Словом, давно знаю Вывенку, ее людей. И когда у монастырских стен, под сенью кипарисов летом шестьдесят девятого года узнал о соединении вывенкского колхоза с колхозом имени Горького, я, помимо своей воли, вспомнил о Култушном, Олюторке и подумал: «Неужели и Вывенку ждет та же участь?».

И вот письмо... Кажется опасе-

ния оправдались. Кажется, «приехали»...

Впрочем, воздержимся от вредных эмоций, отправимся в Вывенку и там собственными глазами посмотрим, что к чему.

ДО ВЫВЕНКИ
РУКОЙ ПОДАТЬ

И МЕННО ТАК. От Тиличик до Вывенки чуть больше пятидесяти километров, что по масштабам Олюторского района — сущий пустяк.

Мы собрали чемоданы, пришли в аэропорт и ждали, когда нас отвезут в Вывенку... трое суток, хотя сперва все шло, как по маслу. Через полчаса после первого визита в аэропорт нас пригласили купить билеты и зарегистрироваться. Десять пассажиров — тютелька в тютельку на вертолет.

А через четыре часа сказали: «Сегодня не полетите. Рыба кончилась». Мы не поняли, что общего у пассажира с какой-то рыбой. Получили вежливое разъяснение. Нас хотели отправить на зафрахтованном комбинатом вертолете, который должен был лететь за навагой в бухту Гека (мимо Вывенки), так сказать, на попутном транспорте. Работники порта: «Это не наш каприз. Нам не планируют пассажирские перевозки в Вывенку». В населенные пункты и менее крупные планируют, а в Вывенку не планируют.

В Вывенку можно попасть только на заказанном какой-либо организацией вертолете в качестве доставляющего до полной загрузки веса к картошке, мешкам с периодической печатью и прочим ценностям. Или как встречный груз к наваге. А так как заказов может не быть — раз, рыба кончится — два, заказчик старается загрузить вертолет под завязку, — три, то горемыка-вывенкский пассажир может ждать счастливого часа до морковкиного заговенья.

«Что же нам делать?» — спросили наши попутчицы с ребятами на руках. «Закажите вертолет», — посоветовали в отделе перевозок. Мы прикинули, сколько надо выложить к уплаченной за билет трешнице, испуганно обменялись взглядами и пошли искать ночлег с надеждой на счастливый случай.

Было время, когда в Вывенку добирались без особых сложностей. Сел на нарту и через двенадцать часов там. Не очень удобно, зато надежно. Нынче извозом на собаках не занимаются, собак ликвидировали, потому что есть авиация.

Великие дела творит Аэрофлот на местных северных трассах. Последняя, дух захватывающая новость: Аэрофлот грозит послать, или уже послал, новейшие «ЯК-40» в бывшие дремучие медвежьи углы — Аянку и Ачайваю. А вывенкский пассажир чувствует себя в апартаментах тиличикского порта странником без шапки и с протянутой рукой.

В период навигации на море жаждущий попасть в Вывенку или выехать из нее лишен этой возможности по причине строжайшего запрета перевозить пассажиров на катерах и отсутствия специальной для этой цели плавучей единицы. За нарушение запрета Володя Цистрюк, понимающий людскую нужду, был лишен капитанского диплома.

О нужде близких и собственном дипломе Володя с обидой и горячо говорил с трибуны большого районного совещания. О транспортной нужде односельчан во все времена года более горячо говорила на сессии райсовета дочь Героя депутат Мария Ахайми-Иванко. Просьба решить транспортный вопрос вот уже много лет повторяется первой строкой в наказах вывенкцев своим депутатам. Но, простите, ничего не меняется.

И случается так, что без пяти минут солдаты-юноши с призывными повестками в карманах, не дождавшись «случая», нахлобучивают шапки и отправляются пешком по обледеневшему берегу залива до Тиличик — в призывной пункт. Так шел Рябов с товарищами... Инвалид-пенсионер с направлением в районную больницу выходит по утрам на край села, туда, где «присаживаются» вертолеты, и терпеливо мерзнет, поглядывая в небо. Увидит машину затрепещет от радости. А она опустится и, не успев остановить винты, взмывает сказочным, недоступным воле земных обитателей, соколом и летит куда-то по своим делам. А инвалид-пенсионер продолжает считать, сколько дней стынет и ждет и сбивается со счета. Может, и сегодня ждал бы Нутаюлгин, да случилось в селе несчастье, вызвали вертолет по санзаданию. Сельский фельдшер Азбукин посадил в него и Нутаюлгина. А на земле остались завистники...

Сколько таких случаев! Мы — не в счет. Мы потеряли всего трое суток. Кто-то из нас оказался счастливым, рожденным в рубашке.

Кто же поставил вывенкского пассажира в положение горемыки? Вертолет в целевых пассажирских рейсах убыточный. Его эксплуатация обходится в два раза дороже, чем самолета «АН-2». Смелчаков среди местных авиационных начальников по собственной инициативе нанести непоправимые убытки Аэрофлоту нет. Пустить же в Вывенку дешевый и оборотистый самолет не могут — там нет для «аннушки» площадки.

Авиаторы посылали в село своих компетентных представителей, которые рекомендовали колхозу место, где можно оборудовать площадку для неприхотливого самолета. Дело стоит на мертвой точке. Руководители колхоза и слышать не хотят о затратах, потребных при сооружении площадки. И вздумай авиационное начальство снарядить в Вывенку «аннушку» с посадкой, как бывало в прошлом, на лед речного устья — затея лопнет. В селе нечем сбить снежные чокки и укатать полосу.

Но это уже другая тема. Об этом в следующем письме.

КАК ЖИВЕШЬ, ВЫВЕНКА?

НЕТ ДЫМА
БЕЗ ОГНЯ

Прилетели в Вывенку в полдень. С реки дул обжигающий ветер. Под ногами скрипел жесткий, как сахар, снег. Из школы гурьбой шли в двухэтажный интернат краснощекие ребята, Иван Иванович Балеевских — патриарх вывенских рыбаков — возвращался с бригадой с речного устья, где поднимал вентеря. На ДOME культуры висела афишка с названием кино, а рядом — листочек: «Сегодня работает баня с 3 до 8».

Заведующего усадьбой Геннадия Петровича Букелева не видели. Утром пошли в контору в надежде встретиться с ним там. «Ушел на сельхозферму», — ответили нам. Пошли на ферму и мы (я и секретарь парткома колхоза Николай Андреевич Лопаткин). Не терпелось познакомиться с Надеждой Александровной Мальковой. Всех знаменитостей в районе знаю, а ее — нет. Она в наших краях давно. Жила, работала, как все, ничем не выдающиеся люди. А с прошлого года ее имя загремело: заменила на ферме известную Карабкину и получила на корову без малого по четыре тысячи килограммов молока — надой для других ферм района пока недоступный.

Малькова оказалась молодой женщиной.

Познакомились. Хорошо поговорили. Надежда Александровна начисто отрицает какие-то особые секреты в своей работе. Здешние коровы хорошие, породистые, ну, а остальное, как заявила она, дело совести и рук. Ее рук и рук скотника Ивана Ахами — спокойного, улыбающегося, крутоплечего паренька. На руках Мальковой еще четверо ребят... По всему видно, женщина она упорная, волевая. И в этом ее главная красота.

Красивыми людьми Вывенка бо-

гата. Вот, скажем, Тимофей Абрамович Анкудинов, унаследовавший у Ахайми всю сложную «механику» рыбацкого ремесла. Бывало, на войне самое горячее и ответственное дело поручали подразделению, где наиболее опытен и умен командир. Вот так сегодня и анкудиновская бригада...

Встретились мы с Тимофеем в бухте Гека, где шел промысел наваги. Как и прежде, крепок, как дуб. Такие энергичные на физической работе люди до ста лет живут. Или взять рыбака Николая Павловича Тавытина, который вот уже десяток лет носит орден Трудового Красного Знамени и которого отстранили от дела — и он почувствует себя, как рыба на сухом песке. Или — чету Азбукиных. Зинаида Степановна — директор школы. По ее просьбе я несколько раз обошел комнаты и прочие помещения интерната: аккуратно, чисто, на постелях свежее белье, веселые одеяла... Василий Григорьевич — фельдшер. С ним рады поработать молодые врачи — есть чему поучиться. Руководитель школы комтруда при больнице. В войну — участник комсомольского подполья на Брянщине, лихой дивизионный разведчик. Девятнадцать лет живет чета в Олюторском районе, тринадцать — в Вывенке. Здесь вырастили детей, теперь растят внука и меняют место жительства не собираются. Об Азбукиных я писал, рассказывал телезрителям... Приятны новые зна-

комства, радость встречи со старыми друзьями.

Радостно сознавать, что все они — новые знакомые и старые друзья, — как и раньше, до отказа загружены работой. Здесь на заваленках не сидят, печи без нужды не переключают. Как и до объединения колхозов, Вывенка дает больше любого другого прибрежного села в районе летней рыбы, зимней наваги. Мужское население довольно напряженно работает и весной, осенью, в пору

подготовки к путине и сенокосную пору. В колхозе есть олени. Более шестидесяти процентов их приходится на Вывенку. Есть дело и женским рукам.

С некоторых пор правление и партком колхоза пытаются решать вопросы участия в общественно-полезном труде людей в Култушном и Олюторке, анализируют их семейные бюджеты. Я был на заседаниях правления, где обсуждались эти вопросы. Так вот, в Вывенку эти жгучие проблемы пока не пришли, ей удалось избежать их сразу.

Так почему же в письме — «Объединение колхозов пагубно сказалось...»? Дыма без огня не бывает.

Должен засвидетельствовать сразу: механического транспорта в селе действительно нет. Есть три колхозных лошади. Есть «на подхвате» несколько частных упряжек собак. А тракторов, автомашин, о которых я писал три года назад, нет. Их сейчас столько и не нужно — Вывенка не ремонтирует своими руками сейнеры, не обрабатывает на окраине рыбу, не строит. Но и то, что оставлено с учетом изменившейся потребности, разбито.

Ручаюсь, ни в одном селе вы не увидите такой картины, какую увидели мы на центральной улице здесь. На обочине дороги «живописно» разбросано то, что именуется техникой. Впечатление, будто здесь осенью снимали для кино эпизод жаркого боя. Операторы уехали, а бутафория осталась. Ее обмыло дождями, обильно присыпало снегом. Даже пожарная машина, которой на роду написана судьба бодрствующего в карауле солдата, стоит с пробитым баком и прочими неисправностями.

По утверждению Букелева (его мы увидели на третий день), технику на участке оставили старую, запчастей к ней почти не давали... Добавим: после объединения колхозов продан геологам механическую мастерскую, кузницу и... гараж, выкатив родимую технику на растерзание непогоде.

Ни один из объектов, которые я восторженно перечислял в очерке, не достроен. Мертвой бетонной коробкой стоит котельная. Навезают знакомую фронтовика тоску стены электростанции с пустыми оконными проемами-глазницами... Одно не достроено из-за того, что отпала потребность, другое из-за экономических затруднений. Ты

понимаешь обе причины — и все равно видишь в объектах до неизвестно какого времени замороженные и, хуже того, бросовые деньги, материал и труд. Даже школа, большая, со спортивным залом, всеми необходимыми хозяйственными пристройками, которая строится на государственные средства силами строймонтажного управления, превратилась в бородастый объект. Ее следовало сдать в эксплуатацию в прошлом году, но и по сей день не начинали отделочные работы, заказчик с подрядчиком думают, как решить вопрос отопления школы — где взять тепло.

В селе нет избытка жилья. По статистике сельсовета, на среднесписочного вывенца жилья приходится чуть больше четырех с половиной метров. А квартиры брошенные — на каждом шагу. Не в допотопных, а в новых, пяти-шестилетнего «возраста» домах. Выглядят квартиры, будто из них сверхсрочно эвакуировались через двери и окна, не берегли при этом ни стекол, ни рам, ни дверных полотен, ни даже полов и печного литья. Говорят, идет переселение внутри села. Кто переселился, почему, сколько пустует частных, сколько колхозных квартир? — точного ответа на вопросы я так и не нашел. Портится жилье...

Село испытывает нужду в топливе. Планировали завезти 2.800 тонн угля. Запасли только 2.000. Есть семьи, которым угля совсем не попало.

В трудное положение поставлен вывенский рыбак в бухте Гека. Но об этом уже говорилось в репортаже, повторяться не буду.

Теперь о птицеводстве. В прошлом году Вывенский участок заложил в собственный (самодельный) инкубатор 11.223 яйца, получил 5.600 цыплят. 5.047 цыплят оставил себе, из коих сохранилось в живых только 2.885 голов. А вот какова продуктивность? «Декольтированная» вывенская курица (использую выражение председателя объединенного колхоза Анатолия Васильевича Шляпникова: декольтированная — значит полуголая по причине хронического витаминоза) дала в прошлом году по 64,8 яйца — почти в три раза меньше, чем в Пахачинском оленесовхозе, и ровно в два раза меньше, чем в Олюторском рыбокомбинате...

Вот «огонек», который привел группу вывенцев к выводу об ущербах для Вывенки последствиях объединения колхозов.

Спору нет, не будь объединения, не было бы горьких примеров, упомянутых мною и не упомянутых. И все-таки, не в нем — не в объединении — причина бед.

В чем же?

Об этом в другом письме.

КАК ЖИВЕШЬ, ВЫВЕНКА?

О ЧЕМ
ЗАБЫЛИ ПРИ
ОБЪЕДИНЕНИИ

СЕЙЧАС кое-кто в районе поговаривает: «Маху дали, объединив колхозы». Видите, у авторов письма в редакцию есть сторонники.

Маху дали. Но, повторяю, не в объединении колхозов, а в другом.

И в самом деле, что плохого в том, что решили сконцентрировать материальные и финансовые средства двух хозяйств в одних руках? Я поинтересовался у Анатолия Васильевича Шляпникова, какую выгоду сулило объединение. Он достал блокнот, подвинул ко мне счеты, сказал: «Клади». И стал называть цифры. Экономия от сокращения управленческого аппарата — 87 тысяч рублей, за зарплате персонала ликвидированных цехов — 300 тысяч рублей... Словом, насчитал председатель почти два миллиона рублей всякой экономии и выгоды. И хотя в этой сумме кое-что вызывает сомнение, скажем, «благо» от консервации недостроенных объектов, цифра все равно остается солидная, я бы сказал, соблазнительная. И перед ней не устояли.

И все было бы хорошо, если бы при объединении не руководствовались только голым экономическим расчетом, а решали задачу объединения как комплекс сложных вопросов. Это тем более необходимо, что речь идет не просто о колхозе, о национальном селе с его особой спецификой. Тут опасно, пусть даже в самых благих намерениях, поддаваться гипнозу цифр. В состоянии гипноза недолго свести доброе дело к тому, что емко определяется известным изречением о ребенке, выплеснутом вместе с водой.

Когда объединяли колхозы в Култушном и Олюторке в Тиличском, все мы подсчитывали выгоды от объединения рыбодобывающих флотов и других средств, говорили, что теперь колхозники трех сел будут бить по цели сжатым кулаком, а вчера были растопыренными пальцами.

Правильно подсчитывали, правильно говорили, если иметь в виду флот, средства, а не основную массу постоянных жителей Култушного и Олюторки. Колхозники этих сел превратились в пассивную силу, потому что пульс организационной, воспитательной, культурной работы там после того, как руководящий колхозный центр сосредоточился в Тиличках, резко упал.

Вывенковский колхоз имел более прочную производственную базу, более богатые и яркие трудовые традиции. Поэтому проблема занятости людей общественно-по-

лезным трудом здесь не возникала. А вот во многом другом Вывенку потихоньку начала постигать участь Култушного и Олюторки.

В первый вечер мы пошли в клуб, так сказать, совместить приятное с полезным — посмотреть кино и узнать, чем дышит культурный центр села. Раньше я часто бывал в этом клубе. Радовался за вывенкцев, что они построили лучший в районе сельский клуб и что жизнь в нем активна. Бывало, еще не войдя в клуб, ты поражался разнообразию очень емкой по содержанию и внешне броской на-

ружной наглядной агитации. А в большом фойе ты мог узнать о Вывенке все: чем она живет сегодня, чем будет жить завтра и каких рубежей достигнет в ближайшие годы. А на соседних монетажах — картина стремительного развития Камчатки, севера страны. С нарядной стены на тебя смотрели лучшие люди села, писанные опытными приезжими портретистами...

Сегодня у клуба пусто, внутри серые, голые стены. Вот стоит припертый к стене, напополам разломанный бильярд. Вот куча ломаных стульев. На стенах двух артистических комнат, превращенных в хранилища хлама, белый иней — здесь давно разморозили и выкинули батареи, комнаты не отапливаются.

Что-то очень похожее я видел в клубе Олюторки перед тем как, помните, сел писать статью. Только там все было покрыто густым слоем пыли. Здесь пыли нет. Зато перед экраном, на полу сцены, прикрывая люк, лежит старый щит с фрагментом пути комсомола, а у боковой сцены, на виду у всех стоят несколько разорванных портретов лучших людей села... На потолке, над головами зрителей, отвисает штукатурка...

Я пишу «клуб». Прошу прощения. Вот уже скоро два года, как он преобразован в Дом культуры... Кружков самодеятельности нет. Три года вывенкцы не видят профессиональных артистов. За два года слушали одного приезжего лектора — директора института из Петропавловска...

Заберу вперед. Возвратившись в Тилички, я рассказал о клубе, то бишь о Доме культуры, заведую-

щему райотделом культуры Г. И. Монахову. Он возмущился, сокрушенно покачал головой: «Тысячу рублей на ремонт выделяли, а они не сумели использовать!» Спустя несколько дней встретился веселый: «Отправили в Вывенку несколько метров бумаги и краски — гуаш». Улыбнулся, легко вздохнул, как вздыхают люди с чувством исполненного долга...

Что-то похожее на клуб произошло и в деятельности общественных организаций, тех организаций, которые, как помнят давнишние жители района, вместе с интеллигенцией под руководством партийных организаций выполняли почетную и трудную практическую работу в походе за высокую культуру и здоровый быт местного коренного населения. А ведь всем известно, что нужда в этой работе не отпала. Возможно, устарили отдельные формы и методы. Так надо же искать новые.

Хорошо дружу с руководителями колхоза. Но дружба дружбой... У меня сложилось впечатление, что многое в селе не очень беспокоит их. Я был на собрании коммунистов Вывенки. Николай Лопаткин делал отчет о работе парткома. О Вывенке в докладе почти ничего. Но и сказанные крохи — какие-то отбегаемые, туманные. Это от незнания жизни села и его парторганизации. Мимоходом скажу: в прошлом году здесь было всего пять партсобраний. Об этом я узнал не на собрании.

На другой день пришлось посидеть на собрании сельских комсомольцев. В тесной, как пенал, комнатке собралось пятнадцать ребят из сорока пяти числящихся на учете. Приехавший из Тилички доложить о работе колхозного комитета комсомола Толя Иванов вообще ни словом не обмолвился о делах и заботах вывенкской комсомолки. Как будто комитет ВЛКСМ живет отдельной, обособленной жизнью, существует для себя и чуть-чуть для ближних от главной конторы участковых организаций.

При объединении в Вывенке на две трети сократилась парторганизация. Отсюда выехали правление, партком — целый отряд освобожденных и не освобожденных работников так или иначе возглавлявших партийную организационную, воспитательную, культурную работу. То есть произошла естественная утечка наиболее опытных и активных сил. Этого, к сожалению, не учли в районных организациях и работу свою соответствующим образом не скоординировали. Кто и сколько раз бывал в самом крупном национальном селе района, считать не будем, ибо в противном случае придется занять внимание читателя разговором о практической пользе визитов.

В такой обстановке стала снижаться трудовая дисциплина, участились случаи других нарушений. В село нагрянул вирус равнодушия и индифферентных настроений. И распространился он довольно широко. Свидетельство тому — письменные сигналы в редакцию, те самые «бумаги», с которыми я и явился в Вывенку.

Кто их подписал? Председатель сельсовета Анатолий Дмитриевич Попов, заведующий участком Геннадий Петрович Букелев, секретарь парторганизации Владимир Васильевич Деркач, участковый механик, несколько депутатов, председатель группы народного контроля — товарищи призванные руководить, организовывать, контролировать, быть запевалами всего хорошего в сельской жизни. Они правы, когда говорят, что в селе оставили преимущественно старую технику, не дают запчастей... Но ведь и старую технику надо уметь беречь, не пускать по рукам, не держать два года под открытым небом, не ждать молча, пока она испустит дух. Держали, ждали и вот теперь удалили в колокола...

А неиспользованные рыбацкие резервы? А опасность быть пристукнутыми в клубе куском штукатурки? А «декольтированные» куры? А удивительная неосведомленность насчет количества брошенных на произвол судьбы квартир? А холодное отношение к акту ревизионной комиссии колхоза?.. И это при трудном финансовом положении колхоза.

Знаю Букелева. Грамотный, знает дело. При желании может быть способным руководителем. Знаком с другими. Серьезные люди. Не будь сам в Вывенке, ни за что не поверил бы, что там кое-кто стал равнодушен к артельной копейке, а еще забыл, что не хлебом единым жив человек.

ВЫЕХАЛИ из Вывенки на тиличском вездеходе. Дорога — глубокий, нетронутый снег. Шумела пурга, и по стеклам кабины железного трудаги скатывались капли воды, как капли пота по лицу уставшего человека. Если все будет благополучно, на этот раз мы затратим на дорогу всего двенадцать часов...

Я смотрел, как бегут по стеклу капли и думал о судьбе Вывенки. Ее судьба — расти. Вот-вот сюда потянутся переселенцы — семьи из Олюторки. Сделать жизнь Вывенки полнокровной — забота общая. И хочется верить, самое крупное в районе национальное село — главная часть объединенного колхоза — заживет такой жизнью.

А еще... Еще здесь обязательно нужно поставить памятник Ильичу, о котором три года назад говорил председатель. И о котором так мечтала Варвара Максимовна Тылнаут — главный герой моего очерка, чьими руками была сооружена первая колхозная юрта у устья Вывенки-реки на заре тридцатых годов.

